

I

ПУТЬ ОРУЖИЯ

В те дни не было царя. Каждый делал то,
что казалось ему справедливым.

Книга Судей

Дэниел

Остров Маэ, Сейшельские острова
7 ноября 2011 года

Дэниел Паркер вздрогнул и проснулся, со лба его скатилась струйка пота. Он обвел взглядом темную каюту, надеясь увидеть ее лицо, но оно исчезло. Потряс головой, будто резкое движение способно было стряхнуть пережитую во сне боль, но оковы прошлого связывали его с ней, как и тихий шепот надежды на то, что она была не права. Ее слова застряли у него в голове, как пророчество, записанное на свернутую бесконечной петлей ленту, как истина половины жизни, произносимая так, будто сейчас все только начинается.

«Это не длится долго».

Заявление это слетело с ее уст без усилий, но в нем не было ничего жестокого. Разговаривая с ним, она улыбалась, ее зеленые глаза смеялись, на щеках виднелись ямочки. Ее концертное платье и красно-коричневая скрипка от Биссолотти¹ как будто озаряли зал.

¹ Франческо Марио Биссолотти (1929 г.р.) — скрипичный мастер из Кремоны, основатель современной династии создателей музыкальных инструментов. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

«Нет ничего вечного. Почему мы должны быть другими?»

Он выглянул в иллюминатор, посмотрел на гавань Виктория, искрящуюся огнями в предрассветных сумерках. Небо окрасилось в цвет пепла, но звезды еще только отступали вслед за ночью. Он прислушался к ударам бьющегося о мачту главного фала и булькающим звукам кавитации подпрыгивающей на волнах яхты «Возрождение». «Хотя бы приличный ветер поймем», — подумал он, откидывая тонкое покрывало и выбираясь из койки.

Он поставил ноги на полированные половицы из красного дерева и медленно вздохнул, наслаждаясь гладкостью древесины. Он полюбил ходить босиком по палубе еще в детстве, когда мальчишкой управлялся с канатами и ставил паруса на отцовском судне «Валиант 40». Но за это он заплатил свою цену. Его ступни были сплошь покрыты шрамами.

Он открыл дверь салона и бесшумно скользнул в жилой отсек. Тусклый свет порта просачивался сквозь занавески на окнах, но салон и камбуз все еще были окутаны темнотой. Он осторожно обошел скрипучие места на полу, чтобы не разбудить сына Квентина, который спал на койко-кровати с другой стороны обеденного стола.

Дэниел включил точечное освещение камбуза. Светодиодные лампы мягко вспыхнули под подвесным шкафчиком, осветив газовую плиту и гранитную столешницу. Он нагрел кастрюльку воды и наполнил френч-пресс¹, после чего выждал точно четыре минуты и налил дымящийся кофе в свою кружку с надписью «Военно-морская академия». Эту кружку подарил ему отец во время церемонии повторного крещения «Возрождения», хохоча при этом и хлопнув его по плечу. Впрочем, это был не только подарок, но еще и шутка, потому что Дэниел поступил не в Военно-морскую академию, а в Бостонский колледж.

Открыв главный люк, он вдохнул влажный островной воздух. За полосой воды расположился город Виктория, похожий на усыпанное самоцветами одеяло, заправленное между гра-

¹ Френч-пресс — название устройства для приготовления кофе, а также сам способ приготовления кофе методом настаивания и отжима.

нитными скалами и гладью моря. Он порылся в рундуке под лестницей и достал набор писчих принадлежностей. Это был настоящий подарок отца, старинная вещь из Занзибара, в память об их путешествии. Захватив кружку, он поднялся наверх.

В обычный день вид стоящих на якоре яхт, увенчанных мерцающими звездами, вызывал бы у Дэниела улыбку, но сегодня он, встревоженный дурными знаменами сна, едва ли замечал их. В рубке он сел, поставил чашку на скамейку рядом, открыл резную деревянную шкатулку и выложил бумагу и ручку на спасательный плот, который использовал в качестве письменного стола. Потом включил фонарь на батарейках и отхлебнул кофе, пытаясь подавить страх, вызванный ее словами. Она ошибалась. Наверняка ошибалась. Улыбка, платье, скрипка, концертный зал — все выглядело именно так, как он помнил. Только слова несли другое значение. Они были сказаны с иронией, а не трагично; как приветствие, а не на прощание.

Разум ринулся вслед за течением памяти. Нью-Йорк. Апрель 1993 года. В Центральном парке цветут нарциссы, веточки кизила и азалии украсились почками, пылающее солнце прогоняет прохладу раннего утра. По всему Колумбийскому университету развешаны афиши выступления Джульярдского оркестра в Карнеги-холле. На афиши он бы и внимания не обратил, если бы не фотография солистки. Звали ее Ванесса Стоун, и она была студенткой Колумбийского университета, а не Джульярда, — двойная специализация: биология и музыка. Хорошенькая, но ничего особенного для Нью-Йорка, этого зала зеркал. Выражение ее лица заставило его притормозить, а потом и остановиться. Дэниел позабыл о том, что страшно спешит на семинар на юридическом факультете, куда он и так опаздывал. Он снял одну из афиш и изучил ее внимательнее. Смычок едва касается струн, почти любопытный взгляд направлен прямо в камеру. Вопрос в ее глазах столь же очевиден, сколь и ошеломителен: «Что ты на меня уставился?»

Спустя два дня Дэниел вошел в большое фойе Карнеги-холла, сжимая в руках афишу с изображением лица, которое не мог забыть. Его место находилось в партере зала Стерна, рядом со сценой. Он сел в кресло и стал слушать, как музыканты настраивают

инструменты; постепенно он раздражался из-за собственного усиливающегося волнения. Наконец она вышла вместе с дирижером. Ее воздушное платье выгодно подчеркивало цвет золотисто-каштановых волос. Кивнув слушателям, она приставила скрипку к подбородку в ожидании сигнала начинать.

Глаза Дэниела ни разу не оторвались от ее глаз с начала и до самого конца выступления.

Играли Бетховена, его первый и единственный скрипичный концерт, и ее исполнение было безупречным, даже самые виртуозные пассажи в крайслеровской каденции. В конце третьей части публика аплодировала стоя. Ответив почти безразличным поклоном, она покинула сцену с торопливостью, которая подтвердила подозрение Дэниела. Она пришла, чтобы быть услышанной, а не увиденной. Волшебство заключалось в скрипке.

Вне зала выстроилась длинная очередь желающих поблагодарить музыкантов, и Дэниел занял место в конце. В ожидании он перебирал слова, которые можно было бы ей сказать, примерял фразы, как костюмы, пока совсем не запутался и не потерял всякую уверенность в себе. Когда подошла его очередь и она протянула ему руку со словами «Спасибо, что пришли», он произнес то, что секунду назад пришло ему в голову:

— Ваша игра соответствует вашему имени.

— Что, простите? — спросила она, отнимая руку.

— Ванесса — это древнегреческое слово. Означает «бабочка».

Что-то изменилось в ее взгляде, но она не ответила, поэтому он продолжил:

— Вы как будто не на сцене стоите, а находитесь где-то в другом месте... В воздухе, танцуете с солнцем.

Она несколько долгих секунд смотрела на него, потом ее губы растянулись в улыбке.

— Это не длится долго, — произнесла она, удивив его искренностью. — Это проходит, как и все остальное.

— Но ведь именно поэтому вы играете, правда? Даже несмотря на то, что вы при этом чувствуете себя неудобно.

Он увидел в ее глазах то самое любопытство, которое было запечатлено на лежавшей у него в кармане афише. Она чуть склонила голову набок, глаза ее блеснули:

— Мы с вами встречались раньше?

Он покачал головой:

— Меня зовут Дэниел.

— Вы студент? — поинтересовалась она, пытаясь понять, с кем имеет дело.

— Юрфак в Колумбийском.

— Юридический. А я бы подумала о поэзии. — Вдруг она перехватила взгляд дирижера, попрощавшегося с последним гостем. — Извините, мне нужно идти. Приятно было познакомиться.

Произнесла она это с оттенком сожаления, и он решился задержать ее вопросом:

— Когда вы в следующий раз будете играть?

Он снова увидел ее инстинктивное любопытство.

— У меня в мае выпускные.

Он кивнул:

— У меня тоже.

Она снова бросила взгляд на дирижера.

— Мне правда пора. У нас еще банкет.

— Ясно, — проронил он, чувствуя, что упускает свой шанс.

А потом она произнесла слова, которые изменили его жизнь:

— Я репетирую в Шапиро-холле. Может, как-нибудь там увидимся.

* * *

В рассеивающейся полутьме Дэниел взял ручку и начал писать ей письмо.

Дорогая моя В.! Похожа ли любовь на тело? Начинает ли она умирать в день своего рождения? Подобна ли она дыханию пре-восходства, которое ты ощущаешь, когда держишь в руках скрипку Биссолотти? Мимолетному, уносимому ветром?

Слова растекались по бумаге чернилами, небо постепенно светлело, наступал рассвет. Первые лучи застали его врасплох и ударили в глаза, когда он посмотрел на восток. Он сделал еще один глоток уже едва теплого кофе и стал смотреть, как солнце